

An impressionist painting of a Parisian street scene. In the foreground, a stone fountain with a central column and a basin is visible. The street is paved with cobblestones and leads towards a building with a dome in the background. Lush green trees frame the right side of the scene. The overall style is soft and atmospheric, characteristic of the Impressionist movement.

Константин Тотье

Тридцатый
виток
Сатурна

из цикла «Письма
с Монмартра»

Константин Готье
Тридцатый виток
Сатурна. Из цикла
«Письма с Монмартра»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22816432

ISBN 9785448371462

Аннотация

В ожидании своей подруги начинающий художник Лоран коротает время за привычным для себя занятием – этюдами на кладбище Монмартр. Однажды, случайно заметив своего кумира, он пытается догнать его, чтобы вернуть забытую им вещь. Но по дороге домой он, как муха в киселе, увязает в иной реальности и отныне вынужден прожить чужую жизнь. Чтобы окончательно не потерять себя, он не сдается и не оставляет попыток вернуться обратно, но неожиданно в его судьбе появляется она...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Тридцатый виток Сатурна

Из цикла «Письма с Монмартра»

Константин Готье

© Константин Готье, 2017

ISBN 978-5-4483-7146-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

J'aime ce qu'on m'interdit

Les plaisirs impolis

J'aime quand elle me sourit

J'aime l'infirmière maman¹

Я легонько щелкнул по носу бедного кролика с вечно прищемленной дверями вагона лапкой и решил выйти на Бланш. Когда-нибудь надо будет оторвать эту картинку и прицепить на холодильник. И подписать: «Interdit après 18 heures»².

¹ Я люблю то, что мне запрещают Недозволенные наслаждения Мне нравится, когда она мне улыбается Я люблю медсестру, мама («Мама не права» – первый сингл Милен Фармер 1984 года; авторы: Лоран Бутонна и Жером Даан).

² Запрещено после 18-ти часов. (фр.)

На остановку дальше мне было бы удобней: в самый раз перекусить у китайцев в «Монорум», но почему-то вдруг захотелось пройти мимо «Двух мельниц» и посмотреть, не завелась ли там случайно мадмуазель Пулен? Как знать? Ведь существует мнение, что если сильно вознамериться, то можно реализовать всё, что угодно. А если собрать всех фанатов «Амели» и направить всю их энергию в одно русло? Ведь может и получится? Однако если принять аксиому о том, что ткань реальности воплощается с наименьшими энергетическими затратами, то наверно проще было бы изловить Одри Тоту и заставить её денек поработать официанткой или на худой конец позасовывать руки в мешок с фасолью. Хотя, если разобраться... Сейчас весна и сезонная паранойя, а там всего-то и делов, что полцентнера розового умиления и ни капли секса. Намного приятней было бы увидеть за стойкой Малену³.

Я удостоверился, что сегодня 24 марта, купил «Либерасьон» для Стефани и стал карабкаться по рю Лепик наверх. Несмотря на ранний час кафе «Две Мельницы», как клещ на собаке, уже раздулось от туристов. Амели не наблюдалось, только официант, внешне напоминающий Доминика Пиньона, ревнивца с диктофоном, как ужаленный, носился между столиками и отмахивался от жаждущих кофе посети-

³ «Малена» – фильм 2000 года Джузеппе Торнаторе, главную роль в котором сыграла Моника Беллуччи

телей извечной мантры: «J'arrive!»⁴. Мы со Стефани должны встретиться часа через три, что ж, надеюсь за это время хоть один столик освободится. А пока я предпринял очередную вылазку на кладбище Монмартр.

После окончания колледжа я стал свободным художником. В прямом смысле этого слова. Да, это мой выбор, и выбор, по правде сказать, не самый сладкий. Жизнь предстоит энергичная, не заскучаешь. Дикая конкуренция; везде, даже если ты уличный художник, нужны связи, а про диплом со специальностью можно забыть: пока у власти ободрившийся афродизиак пингвин, вряд ли кто-то озаботится ростом безработицы. Надо выкарабкиваться самому.

С собой у меня только несколько карандашей и большой Moleskine в потертой кожаной сумке – досталась от родственников по тёткиной линии, сейчас таких уже не делают.

Точно и не знаю: моя это фишка, или нет – рисовать на кладбище. Монументы и памятники, простые могилы, семейные склепы и даже ограды; если в поле зрения попадётся кот (а их на северном кладбище пруд пруди), ещё и лучше, оживляет и придает пикантности. Даже если это придумал не я, что с того? Новое – это хорошо забытое старое. Во всяком случае я сам создаю свой стиль. В нём нет места тоске, безысходности, тщетности бытия или бесполезности человеческой жизни, но есть ощущение недосказанности и незаконченности, а значит – движения вперёд. Что это значит?

⁴ Я иду! (фр.)

Думайте сами. Я же пытаюсь и со временем надеюсь на выставку в Бобуре⁵, в Страсбурге, ну, а потом, всемирное признание и Гугенхайм, конечно, чего мелочиться? Это лучше, чем осквернять Базилику Сакре-Кёр портретами разжиревших американских туристов на её фоне. Ну а пока приходится подрабатывать. Урывками, не чураясь никакого дела; что ж, я – гражданин Монмартра, и таких, как я, тут было предостаточно во все времена.

К тому же Стефани, моя подруга – дочь богатых родителей, и мне для поддержания хотя бы иллюзии неуязвленной гордости надо соответствовать. В наше время с этим, правда, полегче, нежели в девятнадцатом веке: благодаря глобализации, хипстеризации и взаимным половым интересам мы пока ещё вместе.

Сделав большой круг через Аббатис и Коленкур, я наконец оказался на месте. Это был мой третий подход к Александру Дюма-сыну. Первые два раза оказались неудачными: сначала я не выдержал перспективу, потом было слишком пасмурно. Для того, чтобы рисовать здесь с натуры и передать то, что мне хочется, всегда нужно побольше света. Сегодня солнце уже забралось под мраморный балдахин и наполовину осветило лежащего, будто окаменевшего во сне Дюма. Большого и не надо.

Сцепленные руки, свободно раскинутые ноги и полное

⁵ Другое название Национального центра искусства и культуры имени Жоржа Помпиду.

ощущение того, что если смотреть достаточно долго, то можно заметить, как он ворочается. Кто знает? Может быть по ночам он поднимается с каменного ложа и тяжелыми шагами идет на пятнадцатый участок, навестить свою возлюбленную Альфонсину дю Плесси?

Я сосредоточился, набросал основу и принялся выписывать детали. Дюма получался каким-то серым, беспокойным и угловатым, как гусеница, попавшая под колесо велосипеда. Наверно у моего таланта сегодня был тайм-аут, если, конечно, он, этот талант, вообще существовал.

Наконец мне хватило ума скомкать неудачный набросок и со злостью запустить им в наглого серого кота с разорванным ухом, который показался из-за соседней могилы и со скучающим видом наблюдал за моими муками творчества. Кот увернулся, потом нехотя и нарочито медленно, будто подчеркивая, что делает это только для того, чтобы не нарушать заведенный порядок вещей, спрятался за гранитную плиту. А вот рисунок надо будет потом подобрать: я не особенно суеверен, но точно знаю, что ничего из своих вещей на кладбище оставлять не стоит. Даже, когда я чиню карандаш, очистки собираю в салфетку и уношу с собой. Такой вот педант.

Я достал новый лист, но не успел сделать пары штрихов, как наглый котьяра появился снова. Ладно. Подберу сейчас, заодно отгоню этого обормота. Я обошёл соседний обелиск, подобрал скомканный лист и обомлел. Метрах в трид-

цати от этого места, но чуть ниже, возле большого семейного склепа в глубокой задумчивости вполоборота ко мне сидел человек. Из своей импровизированной мастерской я его видеть не мог, сейчас же я забыл и про кота, и про комок бумаги, и про цель моего визита. У меня немного кумиров из мира живописи, но за встречу с некоторыми из них, клянусь, я отдал бы целое состояние! Повстречать ван Гога, Синьяка или Эмиля Фриана было проблематично по причине их давнишнего развоплощения, но вот увидеть здесь и сейчас самого Парсельера – гения современного импрессионизма, казалось чудом. Это было бы тоже самое, как если ревностный католик нос к носу столкнулся с папой римским, или моя Стефани с не дающей ей спокойно дышать Милен Фармер.

И вот теперь великий и таинственный Парсельер, самый позитивный и жизнеутверждающий художник нулевых и десятых, рисующий, как о нем справедливо говорили, «солнечными зайчиками», сидел от меня на расстоянии окрика и рассеянно крутил в руках газету. Его жизнь и творческий путь не были тайной за семью печатями, но вот так просто я бы ни за что не сказал ни откуда он появился, ни где происходило его творческое становление. Я открыл его для себя лишь тогда, когда он приблизился к пику своей славы; а из интервью, которое видел в нете, вынес только то, что когда-то он рисовал комиксы и выиграл в Париже конкурс уличной живописи. Я несколько раз посещал его выставки, но лично никогда не видел, только фотографии и интервью.

Однако там возле потемневшего от времени склепа, у входа в который тенью утреннего тумана были придавлены три темно-бордовые розы, был именно он, мой кумир, тот, на кого я мечтал бы походить, и тот, с манерой письма которого у меня не было, и даже во сне не намечалось, ничего общего.

Я вернулся, забрал сумку и нашел новое место для этюда. Теперь Дюма-сын лежал ко мне левым боком, зато я, без опаски быть замеченным, мог наблюдать за Парсельером. Я точно решил, что мне каким-то образом нужно ему представиться, но когда и как, я придумать не мог. Конечно не на кладбище, я не собирался вмешиваться в чужую скорбь или воспоминания. Наверно стоило проследить за ним, и как бы случайно «столкнуться» на улице. Детский сад, конечно, но чего не сделаешь, чтобы приблизиться к воплощению своей мечты? М-да... И что я ему скажу? «О! Неужели это вы, мсье? Я посетил все ваши выставки, видел все ваши работы, восхищаюсь вашей манерой письма и преклоняюсь перед вашим гением; я и сам художник, только рисую „натюрморты“ в прямом, так сказать, буквальном значении... И вот, не хотите ли взглянуть, для меня ваша оценка так много значит, и...» Сладкий бред, но вдруг сработает? Знакомство, нужные рекомендации, концессия союза художников и, быть может, площадь Тертр?

Я автоматически пошарил в сумке: там оказалось несколько рисунков, среди которых был памятник Оскару Уальду на Пер-ла-Шез и потрепанный временем живописный склеп

семьи Фриссонов. Ну, хоть что-то, Дюма-то я сейчас точно не закончу.

Прошло минут десять томительного ожидания, с одной стороны нервного шорканья карандаша по бумаге, больше всего напоминавшего автоматическое письмо, с другой. Я отвлекся от созерцания своего кумира лишь на пару минут, когда мне показалось, что у меня что-то начинает получаться, как чуть не упустил его из виду. Место, где он только что сидел оказалось пустым; остались лишь три жёсткие, как колючая проволока розы, да случайно забытая им газета.

Порой мне не хватает здравого смысла. Причём случается это в ключевых и значимых для моей дальнейшей судьбы ситуациях. Мне бы закончить рисунок, вернуться в кафе и спокойно ждать Стефани, но моя импульсивность и непредсказуемость в этот раз решили за меня по другому.

Насколько мог быстро я собрал свои пожитки, как сноубордист в бордеркроссе, обогнул несколько оград и оказался возле склепа, где ещё несколько минут назад сидел художник. Я зачем-то обежал вокруг него и подобрал оставленную Парсельером газету. Это оказался тоже номер «Либерасьон», правда старый – страницы пожелтели и местами были сильно истрепаны. Я не стал вдаваться в подробности, сунул его в сумку, чтобы при удачном стечении обстоятельств отдать (какой-никакой, а повод для того, чтобы завязать беседу) и бросился к выходу с кладбища.

Как быстро я не бежал, но вновь увидел его только тогда,

когда выскочил на бульвар Клиши. Одет Парсельер был более чем неприметно: в коричневый в мелкую клетку пиджак, короткие брюки и кеды Convers, и он скорее всего затерялся в толпе, если бы не примечательная деталь. На нем была белая фетровая шляпа, какими, как созревшими одуванчиками, ближе к финалу усеяны все трибуны Ролан Гаррос.

Я следовал на почтительном расстоянии, которое пока не мог сократить: он шагал достаточно быстро, но его шляпа как-то особенно выделялась на фоне запруженной улицы, и я не боялся потерять его из виду.

Он пересёк площадь Бланш, но, к счастью, в метро не спустился; я же поравнялся с Мулен Руж и миновал стоящий напротив газетный киоск. Сколько себя помню, там всегда, и в дождь, и в зной заправлял улыбчивый однорукий Саид. Я машинально кивнул головой, но Саида там не оказалось: вместо него был какой-то седой, по виду северянин или ржик⁶. Что ж, у всех людей случаются потребности и нужды, и Саид не ангел и не исключение. Однако даже при беглом взгляде я заметил несколько странностей, которым в пылу преследования не придал серьезного значения. Стало меньше цветных иллюстрированных журналов, зато газет – несравнимо больше. Куда-то улетел сине-малиново-оранжевый тукан Марка Дорселя⁷, и с боковой стенки исчезла вся

⁶ Ржик – фамильярное название жителя Норд-па-де-Кале возникшее из-за особенностей местного диалекта и произношения.

⁷ Марк Дорсель – французский производитель порнографических фильмов,

порнуха, а ведь ещё час назад, когда я покупал Либерасьон, видел анонс нового фильма «Медсёстры с пылающими попками – 2». Раскупили за час? Странно, наверное, магнитные бури, и вскоре, как следствие, демографический взрыв.

Я отыскал глазами белую фетровую шляпу и устремился через площадь. Наверно мне показалось, но заметно похолодало: откуда ни возмись появились дождевые тучи, а неприятный северный ветер принялся заигрывать с юбками и подолами платьев тех немногочисленных представительниц прекрасного пола, которые несмотря на повальную феминизацию всё-таки сохранили верность женской одежде. Небо потемнело и опустилось вниз, будто это мне кто-то надвинул на самые глаза широкополую шляпу.

На переходе я еле успел проскочить перед лихачом на древней угловатой BMW. Машина выглядела абсолютно новой, почти с иголки, и скорее всего была восстановлена каким-то любителем винтажа.

Я постепенно сокращал расстояние, попутно размышляя, как наиболее прилично и ненавязчиво завязать знакомство со своим кумиром. Вслед за ним я пересек рю де Дуэ, потом он спустился до следующего перекрестка и свернул направо, на рю де Кале. Я последовал за ним, обогнул GNM⁸ и очутился... на абсолютно пустой улице.

основатель компании Video Marc Dorcel, которая производит самое большое количество порнографии в Европе. Достаточно узнаваемой эмблемой является ту-кан.)

⁸ GNM – Grand Hôtel de Montmartre (Гранд отель Монмартр).

Это было невероятно, потому что я уже почти догнал Парсельера, и не прошло и пяти секунд, после того момента, когда он скрылся за поворотом. Вокруг в пределах возможной досягаемости кроме гостиницы и прачечной не было ни одной двери, за которой он мог бы скрыться. Значит оставался только один вариант. На всякий случай я заглянул через широкую витрину в прачечную, но не увидел там ни души. После этого я нерешительно перешагнул порог отеля. Зазвенел колокольчик на двери, и на меня уставилось вежливо-равнодушное с оттенком настороженности лицо портье.

Я попытался как можно более правдоподобно изложить свою проблему, но достучаться до портье так и не получилось. Тот наверняка врал, исполняя поручение клиента не беспокоить, но делал это настолько искренне, что я уж было засомневался: а не обознался ли я? Быть может, хотя это было маловероятно, Парсельер скрылся за одной из зарешеченных дверей дальше по улице?

Ладно, я его упустил, но теперь мне хотя бы известно, где можно было бы его отыскать, а это само по себе уже не мало. Я бросил взгляд на часы: у меня ещё оставалось время, но пора было двигать в сторону «Двух Мельниц». Я повернул обратно на рю Бланш и стал карабкаться вверх, в сторону площади. Внезапно меня будто иглой кольнуло какое-то неприятное предчувствие. Как будто случилось что-то такое, чего я пока не понимаю, и это произошло без моего ведома, а значит, контроля, и что способно довольно серьёзно повлиять

на мою жизнь. Я замедлил шаг, с опаской огляделся и прислушался. Обычный шум города, гул машин, сливающийся с болтовней прохожих. Где-то неподалеку из открытого окна звонок телефона резко прервал стрекот печатной машинки. Бывает же такое: кто-то ещё пользуется таким раритетом.

Вроде бы всё осталось как есть, только сменились оттенки и какие – то еле заметные нюансы. Я прошел до следующего перекрестка, и вот тут меня ожидал первый сюрприз. Довольно приличного японского Ресторана «Иошими» не было, а на его месте располагался видеосалон «Красная рыба». Я, словно отгоняя сон, тряхнул головой, но видение никуда не делось. Меня поразило не сам факт того, что исчез «Иошими», в эпоху экономического кризиса бывает и не такое, сколько появление именно видеосалона. Интересно, через сколько веков он окупится?

Я всегда любил Монмартр и знал его, как свои пять пальцев, но сейчас у меня создалось впечатление, что я нахожусь если не на враждебной, то на чужой территории. Особенно это впечатление усилилось после того, как я вернулся на площадь Бланш и чуть не носом уперся в круглую афишную тумбу, с которой на меня уставился лет на двадцать помолодевший Клаус Майне, а заголовком радостно вещал, что 27 марта в Берси состоится первый концерт «Скорпионс» а Париже. Затянувшийся прощальный тур или отпевание? Наверно я чего-то не знаю. Я обошёл тумбу кругом и тут мои брови поползли вверх, а по позвоночнику пробежал холод-

ный ручеек страха. «Только 2-го апреля во Дворце Спорта! Далида: единственный концерт».

Вот это уже из ряда вон! Я потряс головой и на долгую минуту застыл перед анонсом. Меня вывел из оцепенения громкий сигнал клаксона на перекрестке: старенький Пежо чуть не сбил здоровенного детину, в кожаной косухе в нелепом сочетании с голубой рубашкой и светло-сиреневым галстуком. Дитина был небрит, и со своей старомодной шевелюрой напоминал заблудившегося в Булонском лесу Тото Кутуньо. Я повнимательней посмотрел вокруг и до меня начала доходить нелепость происходящего. Звуки были резче и громче; все машины вдруг стали низкими и прямоугольными, а прохожие вокруг были одеты по моде тридцатилетней давности; во всяком случае, так когда-то одевались мои дед и бабка. Слева от «Мулен Руж» вызывающе торчала афиша кинотеатра «Гранд Рекс», на котором красовался Пьер Ришар в объятых двух красоток – Камиллы и Керри Мор. Новый фильм со звездой французского кино «Близнец», премьера завтра. Я видел этот фильм раза три и на сто процентов был уверен, что вышел он в начале восьмидесятых. Замечательно: либо я где-то хватанул галлюциногенов, либо вокруг меня развивается самый настоящий ретро-флешмоб.

Я подошёл к давешнему газетному киоску, криво улыбнулся седому продавцу и попытался разглядеть числа на передовицах. «Фигаро», «Юманите», «Монд» и пресловутая «Либерасьон», все они бросали вызов здравому смыслу или

моим представлениям о мире: да, сегодня 24 марта, но всего лишь 1984 года. Это значит, что пока я гонялся за Парсельером, каким-то невероятным образом прыгнул на тридцать лет назад? А может быть это розыгрыш или широкомасштабные съёмки скрытой камерой?

Мне вспомнился герой Джима Керри из «Шоу Трумана», когда бедняге тридцать лет морочили голову, прежде чем он начал догадываться о том, что его окружают искусно выполненные декорации, а вся его жизнь скрытыми камерами демонстрируется на весь мир. Я хоть и представитель творческой профессии, но отнюдь не обделен логическим мышлением, и допустить то, что за пятнадцать минут ради моей скромной персоны на близлежащие улицы нагнали статистов и поменяли декорации, никак не могу. Во всяком случае проверить этот феномен или иллюзию довольно просто.

Я не стал задавать глупые вопросы продавцу газет или случайным прохожим; не стал выть и рвать на себе волосы прямо на посередине улицы, как это вероятно следовало сделать, а поспешил обратно на кладбище Монмартр. Если всё вокруг меня обман или морок и сейчас 1984 год, то чего уж там точно нет, так это могилы Далиды, которая покончила с собой, если мне не изменяла память, году этак в 87.

Я добежал до восемнадцатого участка и теперь уже серьезно испугался: ни обелиска певицы в лучах солнца, ни даже крохотного постамента не было в помине. А ведь я его рисовал, и он получился у меня с первого раза.

С полным сумбуром в голове я вернулся к площади Бланш и, крадучись, заскользил вдоль фасадов домов по направлению к «Двум Мельницам». Я продвигался осторожно, словно под артобстрелом: мне казалось, что одно неосторожное движение, и некая необъяснимая сила зашвырнет меня по временной шкале ещё дальше, что в мои планы никак не входило. Широко распахнув глаза, я впитывал в себя этот новый мир и со стороны наверно выглядел довольно глупо. Если не придирааться, то колоссальных отличий между нашим и теперешним временем было не так много: техника, которой я мало интересовался, старомодная, винтажная, но вполне допустимая одежда, да более чистая, без примесей англицизма и магрибского коверканья слов, речь. Наверно из-за моего полубезумного взгляда прохожие начали на меня оборачиваться, и я решил поразмышлять о своём приключении за столиком в кафе. Вдруг удастся незаметно задремать, а, проснувшись, увидеть улыбающееся лицо Стефани, посетителей, уткнувшихся в свои Айфоны и планшеты, да проезжающий мимо Шевроле Тахо размером в добрый танк?

Задремать мне конечно не удалось, слишком распухла от нахлынувших мыслей голова. Итак, я попал в прошлое. Мило и смешно подобная ситуация выглядит только в кино, когда ты точно знаешь, что главный герой успешно из нее выпутается, а если и не выпутается, то так ему и надо. Но вот когда ты, лично ты, собственной персоной и в собственной

потной от страха шкурке, погружаешься, как утопленник, в реку времени на тридцать лет назад, то постепенно начинаешь чувствовать, как вода прошлого постепенно заполняет твои легкие, и ты уже не знаешь: окончательно ты сошёл с ума или нет.

Чтобы удостовериться, что мне не надо опрометью бежать сдаваться в Скорбный дом, я потихоньку, чтобы никто не заметил, достал из кармана свой Samsung. Сети естественно не было, а заряд приближался к нулю. Ещё пара часов и она превратится в пустышку и безделушку из пластика.

За то время, пока я ждал официанта, мне в голову лезли самые противоречивые мысли. Как же всё-таки такое могло произойти? Я вспомнил несколько фильмов, в которых герой по своей воле или нет попадает в прошлое. Временной промежуток в тридцать лет сразу воскресил в памяти «Назад в будущее», но никакой машины времени у меня с роду не было, да и желания вернуться назад тоже. Вспомнилась и «Полночь в Париже», когда главный герой, сам того не осознавая, каждую ночь переносился в Париж прошлого, но утром обязательно возвращался в своё время. Может быть нечто подобное произойдёт и со мной, надо только подождать? А может быть, преследуя Парсельера я угодил во внезапно возникшую червоточину? Ведь в свое время Эйнштейн доказал, что пространственно-временной континуум может разрываться и образовывать проходы либо в другие измерения, либо в другое время. Правда существу-

ют они, если верить великому насмешнику, ничтожно малые доли секунд. Однако, чем чёрт не шутит? Тогда надо попробовать ещё раз пройти тем же маршрутом, вдруг что-нибудь и получится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.